

12. О производстве рекрутского набора, согласно данного высочайшего Манифеста в 1868 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2219. – Оп. 1 – Д. 32.

13. *Полевой, Н. К.* Два года, 1864 и 1865, из истории Крестьянского дела в Минской губернии / Н. К. Полевой // Русская старина. – 1910. – Т. 141. – № 2.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: в 55 т. – Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1863. – Т. XVI. Отд. 1: 1861. – № 36490–7190.

15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: в 33 т. – Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1905. – Т. XXIII. Отд. 1: 1903. – № 22360–23838.

16. *Пяткевич, Ч.* Грамадская культура Рэчыцкага Палесся / Ч. Пяткевіч // Мінск: Беларуская навука, 2015. – 318 с.

17. Рекрутский устав 1831 г. // 2-ПСЗ. Т. VI. № 4677; Устав рекрутский. – СПб., 1831.

18. *Токць, С. М.* Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / С. М. Токць. – Мінск: ДІКСТ БДУ, 2016.

19. Циркуляры и распоряжения правительства, бумаги к руководству по крестьянскому делу за 1861, 1862, 1863 гг. // Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 2219. – Оп.1. – Д. 1.

(Дата подачи: 14.02.2019 г.)

М. Г. Скорб

Белорусский государственный университет, Минск

M.G. Skorb

Belarusian State University, Minsk

УДК 94:341.241(497.11)

ДИНАМИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ГАРАНТИЙ АВТОНОМНОГО СТАТУСА СЕРБСКОГО КНЯЖЕСТВА В 1804–1878 гг.

THE DYNAMICS OF THE INTERNATIONAL GUARANTIES OF THE AUTONOMOUS STATUS OF THE SERBIAN PRINCIPALITY IN 1804–1878

В статье на основе международных договоров анализируется роль, значение и объем международных гарантий автономного статуса Сербского княжества. Автор прослеживает эволюцию автономного статуса Сербского княжества от зарождения до предоставления Сербии независимости.

Ключевые слова: международные гарантии; Сербское княжество; Бухарестский мирный договор; Парижский мирный договор.

Abstract: the article analyzes the role and scope of international guarantees of the Autonomous status of the Serbian Principality on the basis of international treaties. The author traces the evolution of the Autonomous status of The Serbian Principality from its inception to the granting of independence to Serbia.

Key words: international protection; the Serbian Principality; Treaty of Bucharest; the Treaty of Paris.

В теории и практике международного права начиная с XIX в. постепенно закрепляется идея о том, что народ, борющийся за национальную независимость, проходит этап существования в качестве автономного государственного образования в составе другого государства. При этом исключительно важную роль играют международные гарантии, выступающие при этом в двух качествах. Во-первых, как механизм защиты прав народа на самоуправление. Во-вторых, как признание другими государствами права народа на собственное государство. Одним из первых народов, испытавших на себе этот механизм, стали сербы.

Первые институты сербского государства возникли сразу после начала Первого сербского восстания, зимой 1804 г. Однако несмотря на все усилия российской дипломатии, предметом международного договора судьба Сербии стала только в 1812 г., когда между Россией и Османской империей был заключен Бухарестский мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1806–1812 гг.

Статус Сербии регламентировался в ст. VIII Бухарестского мирного договора. Первым пунктом этой статьи является признание сербов «верноподданными Блистательной Порты», тем самым российская внешняя политика отказалась от официальной поддержки сербов в борьбе за независимость. Еще одним положением статьи было обязательство сербов срыть все укрепления, построенные ими во время восстания, а укрепления, существовавшие на территории Белградского пашалыка до восстания передать Порте вместе с правом неограниченного размещения в них военных гарнизонов. Важнейшим положением данной статьи является предоставление сербам автономных прав аналогичных Республике семи островов и права самостоятельно определять систему самоуправления. При этом особо оговаривалось что прочие привилегии, объем дани и способы защиты сербов от притеснений турецких гарнизонов должны решаться на сербо-турецких переговорах [1, с. 319–320].

Упоминание в тексте договора Республики Семи Остров отсылает к Константинопольской конвенции 1800 г. Согласно этой конвенции, на территории Ионических островов создавалось вассальная Османской империи республика под протекторатом России. Внутреннее управление осуществлялось на основании конституции, одобренной Османской империей и Россией. Вассалитет Республики по отношению к Порте проявлялся исключительно в выплате дани. Вместе с тем все крепости на территории островов находились в ведении создаваемой армии республики [2, с. 90].

Таким образом, из предоставленных сербам «привилегий островов Архепелажских» были произведены значительные изъятия в области создания собственной армии и особенно в части международных гарантий. Если в случае с Республикой Семи Островов Россия прямо признавалась ее защитницей, то в случае с сербами факт признания сербов «верноподданными Блистательной Порты» лишил Россию оказывать сербам официальное по-

кровительство. По сути, Россия становилась гарантом сербо-турецких переговоров, а не будущего сербского государства.

Лидеры восстания отказались от переговоров и возобновили военные действия в результате чего осенью 1813 г. восстание было подавлено. Однако уже весной 1815 г. началось новое восстание, вошедшее в историю как Второе сербское восстание. К концу 1815 г. восставшие овладели практически всей территорией пашалыка, а вожди восстания заключили соглашение с представителями османской администрации о разделе власти на территории Белградского пашалыка.

С конца 1815 г. при посредничестве России, безуспешно проводились сербо-турецкие переговоры, однако к началу 20-х годов они зашли в тупик, а затем и вовсе прекращены сербами. Греческая революция и благоприятная международная обстановка позволили России заручиться поддержкой европейских государств и возобновить давление на Порту с целью заставить ее предоставить сербам статус автономного княжества [3, с. 404].

Именно консенсус, которого достигла Россия с Великобританией по греческому вопросу позволил российскому правительству предъявить ультиматум Османской империи главным условием, которого было исполнения Турцией ст. VIII Бухарестского мирного договора. Для решения всех спорных моментов Порте предлагалось отправить на границу с Россией своих представителей. В противном случае российское правительство угрожало разорвать дипломатические отношения. На выполнение условий ультиматума отводилось шесть недель [4, с. 34].

В июне 1826 г. в Аккермане начались переговоры, которые продлились вплоть до начала октября. Результатом этих переговоров стало подписание Аккерманской конвенции и двух отдельных актов. Сербского вопроса касалась ст. V конвенции и специальный протокол. Согласно ст. V Порты, совместно с сербскими депутатами, должна была разработать проект султанского хатт-и-шерифа о предоставлении автономии Сербии, который подлежал исполнению в течении 18 месяцев [5, с. 1043].

Отдельный акт по Сербии предусматривал минимальный объем привилегий, которые Порты должна была предоставить сербам. К числу этих привилегий были отнесены: свобода богослужения, выборность руководства, возвращение шести округов, захваченных турками после поражения Первого восстания осенью 1813 г., замена многочисленных податей одним налогом, право свободной торговли на всей территории империи. Свыше этого Порты должна была утвердить «все требования сербской депутации если они не будут противны обязанностям подданных Османской империи». Кроме того, Османская империя брала на себя обязательства предоставить российскому правительству копию хатт-и-шерифа, дарованного сербам [5, с. 1039–1040].

По сравнению с Бухарестским мирным договором в Аккерманской конвенции был сделан значительный шаг вперед: кроме минимального объема

привилегий и конкретного срока реализации, принципиально менялся объем российских гарантий. По условиям Аккерманской конвенции Россия гарантировала минимальный объем привилегий, сербо-турецкие переговоры и последующее исполнение Портой всех своих обязательств перед Сербией, закрепленных в форме хатт-и-шерифа.

Отказ Османской империи исполнять условия Аккерманской конвенции стал одной из причин, приведших к началу русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Успешные военные действия российских армии и флота вынудили Османскую империю пойти на мирные переговоры, начавшиеся 30 августа 1829 г. в Адрианополе и завершившиеся подписанием Адрианопольского мирного договора. Ст. VI. этого договора предусматривала «безотлагательное и со всей возможной точностью» возвращение шести захваченных округов и в течение месяца выполнение всех условий Аккерманской конвенции. Существенным новшеством стала детализация механизма международных гарантий: следить за соблюдением хатт-и-шерифа должен был российский консул в Белграде, а всякое вмешательство во внутренние дела княжества должно быть одобрено российским посланником в Константинополе [6, с. 626].

В течение 1829–1833 гг. султан принял три хатт-и-шерифа содержание, которых полностью соответствовало условиям Адрианопольского мирного договора 1829 г. и Аккерманской конвенции 1826 г. Задействованный при их принятии механизм международных гарантий окончательно закрепил статус России как гаранта автономного Сербского княжества [7, с. 510].

В середине 1830-х годов в правящих кругах Сербского княжества возникла идея о расширении международных гарантий путем увеличения числа гарантов. По мнению сербского князя Милоша Обреновича, гарантами внутреннего устройства Сербского княжества должны были стать, кроме России и Османской империи, еще и Великобритания, Австрия и Франция. Расширение числа гарантов с одной стороны должно было упрочить положение Сербии, но с другой стороны расширение числа гарантов должно было законсервировать внутреннее положение княжества, поскольку добиться согласия на изменение внутреннего устройства Сербии от пяти гарантов было бы значительно труднее, чем от России и Османской империи. В последнем особо был заинтересован Милош Обренович, боровшийся за сохранение неограниченного характера своей власти [4, с. 64–65].

Несмотря на все усилия Милоша Обреновича, а также французской и британской дипломатии, исключительное положение России в Сербии было подтверждено, принятым в 1838 г. султаном Махмудом II, хатт-и-шерифом. По форме он являлся конституцией и вошел в историю как Турецкий устав. В тексте устава Россия и российские гарантии не упоминаются, однако сама процедура принятия хатт-и-шерифа де-факто значительно расширяла возможности России в Сербии: российский посланник принял самое активное

участие разработке итогового варианта документа, вычеркивая неприемлемые для российской внешней политики положения [8, с. 49].

В очередной раз исключительное положение России было подтверждено в ходе конфликта, разразившегося между князем и Государственным советом в 1841 г. По этому случаю, султан Абдул-Меджид I издал специальную прокламацию в которой подтвердил, что Россия является гарантом статуса Сербского княжества и потому только российский консул имеет право вмешиваться во внутренние дела княжества [9, с. 70].

В 40-е–50-е годы значительно активизировались стремлений ведущих европейских государств расширить число гарантов статуса Сербского княжества, но позиции России на Балканах в 40-е – первой половине 50-х годов XIX в. были настолько прочными, что ни одна из великих держав не могла изменить сложившийся статус-кво. Ситуация изменилась после поражения России в Крымской войне, в которой Сербское княжество придерживалось нейтралитета. Однако в тексте, заключенного по результатам войны, Парижского мирного договора статус Сербии рассматривался в ст. XXVIII и XXIX и косвенно ст. IX.

Согласно ст. XXVIII Порты сохраняла свой суверенитет на всей территории Сербского княжества, но к числу гарантов, кроме России и Османской империи, теперь относились Великобритания, Австрия, Франция и Сардинское королевство. Касательно объема привилегий оговаривалось, что на территории княжества сохраняют силу все хагт-и-шерифы, предусматривавшие «независимое и национальное управление и полную свободу вероисповедания, законодательства, торговли и судоходства». Ст. XXIX подтверждала право Османской империи свободно размещать гарнизоны на всей территории княжества, но вместе с тем применение вооруженных сил на территории княжества допускалось лишь в случае единогласного одобрения государств-гарантов [10, с. 322].

В ст. IX Сербия не упоминается, однако указывалось, что ни одно из государств не вправе вмешиваться во взаимоотношения султана со своими подданными. На практике это означало, что Россия утрачивала право покровительствовать христианским подданным Османской империи, а также свое исключительное право вмешиваться во внутренние дела Сербского княжества [10, с. 314–315].

Уже после подписания Парижского мирного договора представителями Австрии, Франции и Великобритании была подписана конвенция, согласно которой гарантировалась территориальная целостность Османской империи в границах, определенных Парижским мирным договором. Любая попытка изменения границ могла рассматривается как казус белли [11, с. 259].

Таким образом, сложившаяся после Крымской войны система международных договоров с одной стороны еще более упрочняла положение Сербского княжества внутри Османской империи и избавляла его от вмешательства России в свои внутренние дела, но с другой стороны значительно

усложняла обретение государственного суверенитета, поскольку признавала нерушимыми границы Османской империи.

С конца 60-х годов XIX в. сербская администрация активно пользовалась противоречиями между государствами-гарантами. Так, на скупщинах 1858 и 1861 гг. был принят ряд законов, фактически отменявших многие положения Турецкого устава. Османская империя выступила решительно против такого нарушения Парижского мирного договора, однако другие великие державы либо поддержали Сербию (Россия, Австрия, Франция) либо никак не отреагировали (Великобритания, Сардинское королевство) [8, с. 63].

Среди прочего огромное значение имело принятие в 1861 г. закона «О народном войске», согласно которому в княжестве вводилась всеобщая воинская повинность и создавалась регулярная армия. Принятие этого закона вызвало негативную реакцию Османской империи. Пытаясь заставить Сербию отменить этот закон Порты начала стягивать войска, а турецкие гарнизоны на территории княжества инициировали ряд конфликтов, крупнейшим из которых стала бомбардировка Белграда 5 июня 1862 г. [12, с. 112].

Результатом этого стал созыв Константинопольской конференции великих держав в июле – августе 1862 г. Итогом этой конференции стало подписание Протокола по умиротворению Сербии, главной идеей которого было ограничение права Османской империи размещать гарнизоны на территории Сербии. Согласно условиям протокола Порты, сохраняла свои гарнизоны только в четырех крепостях на территории княжества. Все остальные укрепления подлежали уничтожению. О создании сербского войска в тексте протокола не говорилось ничего, что позволило продолжить формирование сербской армии [13, с. 85–86].

Весной 1867 г. князь Михаил Обренович совершил визит в Константинополь, в ходе которого провел несколько встреч с высшими сановниками Османской империи. Результатом этого визита стало заключение соглашения о полном выводе турецких гарнизонов с территории Сербского княжества. Государства-гаранты никак не отреагировали на такое изменение статус-кво, тем самым, признав значительное расширение автономных прав Сербского княжества [12, с. 497]. Таким образом, ст. XXIX Парижского мирного договора была де-факто дезавуирована, при чем без какого-либо участия государств его подписавших.

Касательно объема привилегий важным событием стало принятие новой конституции в августе 1869 г. Эта конституция была разработана и принят без какого-либо участия Османской империи, в ней вообще не упоминалась зависимость Сербии от Порты. Тем самым османское правительство полностью утратило какие-либо рычаги влияния на события внутри княжества, а зависимость Сербии от Османской империи выражалось лишь в выплате дани.

Принятие конституции вызвало протесты Порты. Османский рейс-эфенди выступил с инициативой созвать конференцию великих держав по вопросу сербской конституции, однако позицию Порты поддержала только Великобритания. Россия и Франция одобрили принятие конституции, а позиции Австро-Венгрии после австро-прусской войны были настолько слабыми, что австро-венгерский министр иностранных дел рекомендовал своему посланнику в Константинополе не выступать с какими-либо инициативами. В результате, консолидированной позиции государств-гарантов по сербской конституции не получилось, первыми ее признали Россия и Франция, за ними последовала Австрия, а к концу года ее признала и Османская империя [8, с. 134].

В конце 60-х годов XIX в. Сербское княжество проводило активную внешнюю политику и стало инициатором создания Балканского союза. Ядром этого союза были сербо-черногорские взаимоотношения, направленные на объединение всех сербов в одном государстве. Активная внешняя политика Сербии и Черногории стала одной из причин Боснийского восстания, начавшегося весной 1875 г. Несмотря на то что официально Сербия придерживалась нейтралитета, практически сразу после начала восстания был создан секретный комитет по оказанию поддержки восставшим.

Осенью 1875 г. представители России, Австро-Венгрии, Великобритании, Италии, Франции и Германии выработали «Коллективное заявление представителей европейских государств в Белграде княжескому правительству». В тексте заявления представители держав предостерегали Сербию от поддержки восстания и от прямой конфронтации с Османской империей, апеллируя к тому, что в противном случае они не смогут воспользоваться условиями Парижского мирного договора и защитить княжество от османской агрессии [14, с. 55–56].

Тем не менее, в начале июня 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Османской империи. После ряда поражений осенью 1876 г. Сербское княжество вынуждено было пойти на мирные переговоры и заключить перемирие. Несмотря на это, выплата дани осенью 1876 и весной 1877 гг. производилось [15, с. 94]. Таким образом, к началу русско-турецкой войны 1877–1878 гг. зависимость Сербии от Османской империи выражалась исключительно в формальном признании султана верховным сюзереном Сербского княжества, а подписанный 3 марта 1878 г. Сан-Стефанский мирный договор, провозгласивший независимость Сербии, лишь закрепил существующее положение вещей.

Международные гарантии Сербского княжества прошли сложный путь в своем развитии от признания права сербского народа на собственное национальное управление до фактического признания независимости. Активная внешняя политика Российской империи содействовала созданию автономного Сербского княжества, но исключительное положение России, как гаранта автономного статуса Сербского княжества, позволяло активно

вмешиваться во внутренние дела княжества, что являлось значительным дестабилизирующим фактором. Расширение дипломатических гарантий после Крымской войны позволило администрации княжества лавировать между интересами великих держав, добиваясь значительного расширения объема привилегий и фактической ликвидации зависимости к концу 70-х годов XIX в.

Список использованных источников

1. Трактат, заключенный, в Бухаресте, 16 мая 1812 года / Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 32: 1812–1815. – С. 316–322.
2. Конвенция между Россией и Портой Оттоманскою о Республике семи соединенных островов, заключенная в Константинополе 21 марта 1800 года / Полное Собрание Законов Российской Империи, с 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 26: 1800-1801. – С. 88–92.
3. *Гаврилович, М.* Милош Обреновић: у 3 књ / М. Гаврилович. – Београд: Талија, 2017. – Књ. 2. – 760 с.
4. *Кудрявцева, Е. П.* Россия и становление сербской государственности (1812–1856) / Е. П. Кудрявцева. – М.: Квадрига, 2009. – 247 с.
5. Высочайше ратифицированная объяснительная и подтверждающая Бухарестского договора конвенция, заключенная генерал-адъютантом графом Воронцовым и тайным советником Рибопьером с турецкими уполномоченными в Аккермане / Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание второе с 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881 года: в 55 т. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830-1885. – Т. 1: 1825–1827. – 1830. – С. 1035–1045.
6. Трактат, заключенный в Адрианополе между Российской империей и Оттоманской Портой / Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание второе с 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881 года: в 55 т. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1885. – Т. 4: 1812–1815. – 1830. – С. 618–633.
7. *Гаврилович, М.* Милош Обреновић: у 3 књ / М. Гаврилович. – Београд: Талија, 2017. – Књ. 3. – 630 с.
8. *Поповић, В.* Европа и српско питање у периоду ослобођења 1804–1918 / В. Поповић. – Београд: Издавачка Књижарица Геца Кона, 1940. – 168 с.
9. *Вучковић, В.* Српска криза у источном питању 1842–1843 / В. Вучковић. – Београд: Научно дело, 1957. – 157 с.
10. Парижский мирный трактат, заключенный 18 марта 1856 года / Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: в 15 т / сост. Ф. Ф. Маргенс. – СПб.: Тип. М-ва путей и сообщений, 1874–1909. – Т. 15.: Трактаты с Францией 1822–1905. – С. 307–326.
11. *Шермет, В. И.* Османская империя и Западная Европа вторая треть XIX в. / В. И. Шермет. – М.: Наука, 1986. – 310 с.
12. *Јовановић, С.* Друга влада Милоша и Михаила / С. Јовановић. – Београд: Издавачка књижарица Геца Кона, 1933. – 502 с.
13. Протокол по сербским делам / Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917 / сост. И. В. Ковьяненко. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 85–92.
14. *Шмелёва, О. И.* Влияние Боснийско-Герцеговинского восстания 1875-1876 годов на национально-освободительное движение на Балканах / О. И. Шмелёва // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2010. – С. 46–61.

15. *Јовановић, С.* Влада Милана Обреновића: у 3 књ / С. Јовановић. – Београд: Издавачка књижарица Геца Кона, 1934. – Књ. 1. – 526 с.

(Дата подаци: 26.02.2019 г.)

К. Л. Снисаренко

Белорусский государственный университет, Минск

K. L. Snisarenko

Belarusian State University, Minsk

УДК 329.1/6.055.4(44)(091)”1981/1986”+325.2(44)(091) ”1981/1986”

ИММИГРАЦИЯ В ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВ ЛЕВОЙ КОАЛИЦИИ ВО ФРАНЦИИ (1981–1986 гг.)

IMMIGRATION IN THE POLICY OF THE GOVERNMENT OF THE LEFT COALITION IN FRANCE (1981–1986)

В статье дана характеристика иммиграционной политике правительств левой коалиции во Франции в 1981–1986 гг. Выделено два периода деятельности кабинетов министров в данной сфере, определены причины изменений в политике правящего большинства. Основной вывод работы: либеральный подход левых к иммиграционной политике не смог утвердиться на общенациональном уровне и уступил место консервативному.

Ключевые слова: Пятая республика; иммиграция; иммиграционная политика; права человека; национальные интересы; контроль над въездом и проживанием; интеграция в социальную среду.

In the article, the author gives a description of the immigration policy of the governments of the left coalition in France in 1981–1986. He distinguishes two periods of cabinet ministry activity in this area, determines the causes of changes in the policy of the ruling majority and comes to the conclusion: the liberal approach of the left to immigration policy was not firmly established at the national level and gave way to a conservative one.

Keywords: Fifth Republic; immigration; immigration policy; human rights; national interests; entry and residence control; integration into the social environment.

Президентские выборы 1981 г. стали знаковым событием в истории Пятой республики. Впервые с момента ее основания к власти пришли левые политические силы в лице социалиста Ф. Миттерана. Последующая победа «президентского большинства», включившего в себя «Французскую социалистическую партию» (ФСП), «Французскую коммунистическую партию» и «Движение левых радикалов», на внеочередных парламентских выборах в июне того же года отразила надежду французов на глубокие изменения в правительственном курсе.

Актуальность темы статьи связана с тем, что деятельность кабинетов левой коалиции премьер-министров П. Моруа (май 1981 г. – июль 1984 г.) и Л. Фабиуса (июль 1984 г. – март 1986 г.) по контролю над въездом и пребыванием иностранных граждан в стране, интеграции международных мигрантов стала попыткой утверждения на общенациональном уровне